

Ю. ТЕРАПИАНО

Зинаида Гиппиус

Зинаида Гиппиус остро ощущала «Целое», и, вероятно, именно верность этой «призрачной мечте» вечно женственного спасала ее и помогала нести тот необщий крест «вечно-женского», который был ей дан судьбой.

Вечно женственное

Каким мне коснуться словом
Белых одежд Ее?
С каким озарением новым
Слить Ее бытие?
О, ведомы мне земные
Все твои имена:
Сольвейг, Тереза, Мария...
Все они — ты Одна.
Молюсь и люблю... Но мало
Любви, молитв к тебе.
Твоим-твоей от начала
Хочу пребывать в себе,
Чтоб сердце тебе отвечало —
Сердце — в себе самом.
Чтоб Нежная узнавала
Свой чистый образ в нем...
И будут пути иные,
Иной любви пора.
Сольвейг, Тереза, Мария,
Невеста-Мать-Сестра!

С самого начала Зинаида Гиппиус поражала всех своей «единственностью», пронзительно-острым умом, сознанием (и даже культом) своей исключительности, эгоцентризмом и нарочитой, подчеркнутой манерой высказываться наперекор общепринятым суждениям и очень злыми репликами.

«Изломанная декадентка, поэт с блестяще-отточенной формой, но холодный, сухой, лишенный подлинного волнения и творческого самозабвения», — так определяли Гиппиус.

И ее декадентские сюжеты — змеи, уродцы, колдовские и демонические мотивы, беседы с дьяволом «наставником», и метафизика, общая для всех символистов, — все это казалось «головным», блестяще и остроумно найденным, но внутренне опустошенным.

И только Иннокентий Анненский («Аполлон», книга III), говоря о ее «Собрании стихов» 1904 года, увидел то, что Зинаида Гиппиус тщательно скрывала, быть может, даже от себя самой:

«В ее творчестве вся пятнадцатилетняя история нашего литературного модернизма.

Я люблю эту книгу за ее певучую отвлеченность.

Эта отвлеченность вовсе не схематична по существу, точнее — в ее схемах всегда сквозит или тревога, или несказанность, или мучительное качание маятника в сердце».

Если бы Иннокентий Анненский мог прочесть «Сияния», он бы имел право сказать, что в 1904 году безошибочно верно почувствовал настоящую Зинаиду Гиппиус.

Декадентская поэзия, символистские «бездны и тайны», «Бог и Дьявол», а также затем, после революции, неумение и нежелание понять значительность того, что произошло с Россией, ее «мстятские» и «гневные» стихи — все это в конце жизни сменилось подлинно человеческими нотами, и даже «метафизика» стала иной, более примиренной, более мудрой.

Сергей Маковский, читая интимные дневники Зинаиды Гиппиус (в архиве Мережковского и Гиппиус, перешедшем к В. А. Злобину), нашел такую запись: «Стихи я всегда пишу, как молюсь» — фраза, до удивительности отражающая внутреннюю сущность З. Гиппиус, если вдуматься.

Это, по Анненскому, как раз и есть то «мучительное качание маятника в сердце», которое прорывается, просвечивает сквозь всю «певучую отвлеченность» ее прежних стихов и раскрывается в «Сиянии».

Я не хочу больше говорить здесь о значении поэзии Зинаиды Гиппиус, а тем более гадать, как отнесется к ней история литературы.

Но «молитва» в стихах, о которой говорит Гиппиус в своей записи, не легко давалась ей именно благодаря диапазону качания маятника в ее сердце.

Об отношении Зинаиды Гиппиус к религии и духовным вопросам, о ее демонизме и «ведьмовском начале» написано, осо-

бенно после ее смерти, столько противоречивого, что даже неприятно вспоминать некоторые рассуждения о ее «колдовстве» и «чертовщине».

В конце прошлого и в начале нашего века у декадентов и символистов проблема зла, Люцифер, Сатана и борьба двух Начал были в центре внимания, и многие доходили до чрезвычайных экстравагантностей.

Зинаида Гиппиус в молодости отдала дань духу времени, но сколько в тогдашних ее стихах было поэзии и напускного желания «поразить» и сколько искреннего — определить очень трудно.

Мы, прежние «младшее литературное поколение», начавшие писать уже в эмиграции, постоянные посетители «воскресений» у Мережковских и «Зеленой лампы», застали Зинаиду Гиппиус уже другой — более близкой к вечной теме «сияния», чем к ее прежней поэзии.

В ней было много горечи и разочарования, она всячески старалась понять новый мир и нового человека, который в чем-то основном от нее ускользал.

Ее влекло рассмотреть, чем этот человек жив, во что он верит и что в нем наиболее подлинно.

Но подлежавшие расшифровке «новые люди» в большинстве не были склонны открывать свое «внутреннее» — эпоха была не та. И в решительный момент, в самом важном вопросе Зинаида Гиппиус вдруг оказалась в одиночестве.

Верила ли Зинаида Гиппиус так же, как верил Мережковский, в Бога, в бессмертие души и в «метафизику», о которой она говорила всю жизнь?

У Мережковского (лучшее в нем) постоянно бывали прорывы интуиции, тогда как по складу своего ума Гиппиус была рационалисткой.

Она верила умом, сердцем хотела веры, но ей было не дано тех интуитивных прозрений, которые, например, знал Блок.

«Невозможно сказать, — пишет З. Гиппиус в своей статье о Блоке «Мой лунный друг», — чтобы он не имел отношения к реальности; еще менее, что он “не умен”. А между тем все, называемое нами философией, логикой, метафизикой, отскакивало от него, не прилагалось к нему».

А сам Блок начал сторониться Мережковских именно потому, что у них с легкостью «все время говорили о несказанном».

Возможно, что Гиппиус знала о своей ограниченности в этой области, — не потому ли она так легко всегда уступала Мережковскому «последнее слово»?

Несмотря на весь свой блеск и остроту, несмотря на уверенность в правоте своего мировоззрения (эта уверенность, вероятно, была тоже известной позой), в Гиппиус чувствовалось иногда сознание безысходности, невозможности до конца понять, тогда как Мережковский, менее ее «заостренный интеллектуально», каким-то иным способом преодолевал мировое неблагополучие — может быть, искренним ожиданием «конца этого мира».

Об отношениях Зинаиды Гиппиус к любви тоже после ее смерти писали очень много, иногда — возмутительно нецеломудренно, вплоть до публикации самых интимнейших ее писем и писем к ней.

Именно поэтому мне сейчас не хочется говорить о ее любовной теме.

Но если у кого-нибудь из наших поэтов-женщин и была тоска по Высшему Образу Любви и стремление прорваться к нему сквозь преграды личного, эротического, интеллектуально-земного (т. е., умственно усложненного), то поэзия Зинаиды Гиппиус может служить этому примером.

«Победы» в этой области, равно как «очарования», «прелести» и «душевной теплоты», в ней быть не могло.

Но в ней есть порой холодный блеск взлетающей с земли ввысь ракеты — ракеты, обреченной неминуемо разбиться о какое-нибудь небесное тело, не будучи в состоянии вернуться назад и рассказать нам о том, что там происходит.

И еще много горя, боли, одиночества.

«Хочу того, чего нет на свете», — сказала еще в молодости Зинаида Гиппиус.

В этом, быть может, секрет ее «единственности».

